



# ПРАВДА ВОСТОКА

ОРГАН ЦК КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА, ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ УЗБЕКСКОЙ ССР

## Совершенствовать управление АПК Совещание в ЦК КПСС

Как уже сообщалось, путем совершенствования управления в агропромышленном комплексе страны на демократической основе в условиях активного развития новых экономических отношений рассмотрены на совещании в ЦК КПСС, состоявшемся 13 января. На него были приглашены секретари ряда райкомов, обкомов, краинкомов партии, ЦК компартий союзных республик, председатели Советов Министров союзных республик, областных, краевых и республиканских агропромышленных комитетов, генеральные директора агрокомбинатов, руководители агропромышленных объединений, агрофирм, агроторговых предприятий, научно-производственных и производственных систем, председатели колхозов, директора совхозов и перерабатывающих предприятий, ученые-аграрники, арендаторы, а также работники ряда министерств и ведомств, представители средств массовой информации.

Открытие совещания, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев, сказал:

Наша работа по подготовке Пленума Центрального Комитета партии по вопросам аграрной политики, который состоится в марте, вступила в решительный этап. Это будет важный Пленум. Думай, даже этого слова недостаточно для того, чтобы охарактеризовать значение предстоящего партийного форума. Это определяется тем, что будет обсуждаться кардинальное направление нашей внутренней политики.

Когда мы говорим об аграрной политике, об аграрном комплексе, то речь идет прежде всего о продовольственном вопросе — одной из важнейших проблем, стоящей перед любым государством. Это тот вопрос, который мы должны решить в условиях перестройки на новых подходах, решить как надо, в полной мере. Все мы видим, что решение продовольственного вопроса затянулось. Но уверены — у нас есть и экономические, и социальные, и природные условия для того, чтобы проблема была решена.

Когда мы говорим об аграрной политике, мы имеем в виду, что речь идет о людях, занятых хлеборобским трудом, об их жизни, о колхозном крестьянстве, о рабочем классе. И, естественно, никакая аграрная политика не может быть эффективной, продуктивной, плодотворной, если она не будет учитывать интересы сельских тружеников — и социальные, и экономические, и культурные, в общем, широкий круг интересов и чаяний людей.

Когда мы говорим об аграрной политике, мы имеем в виду особенность этой отрасли, этого аграрно-промышленного народнохозяйственного комплекса — что его функционирование осуществляется в определенных природных условиях. Отрасль связана с природой, непосредственным обменением с нею. Это накладывает огромный отпечаток на всю деятельность тружеников села. Мы не можем игнорировать природу, более того — только на основе содружества с природой, увлекательного отождествления к ней можно уверенно вести и развивать сельскохозяйственное производство не только сегодня, но и завтра. Это, товарищи, большие вопросы. Не все тут было ладно, и ошибок допущено много — и в деле мелиорации, и в системах земеделия. Итога мы, откровенно говоря, просто-на-просто насилали природу вместо того, чтобы понять ее особенности в каждом регионе и, скажу больше, — в каждом колхозе, на каждом поле.

Когда мы говорим о сельском хозяйстве, об аграрном комплексе, то речь всегда идет о главном — о земле, о человеке — вот краткая формула аграрной политики. Тут многое потеряно. Мы многое потеряли, раскрайтывая страну в том смысле, что оторвали человека от земли, от средств производства и этим нанесли большой удар по всему аграрному делу, в первую очередь по отношению людей к земле. К тому же процесс преобразования производительных сил в стране далеко не всегда соблюдался интересы аграрного сектора, не учитывалось то, что к земле нужно относиться очень ответственно.

Нам предстоит рассмотреть, каким должно быть управление и взаимодействие первичных звеньев на уровне сель-

ского района. Идет процесс, когда, например, в колхозах на основе развития арендных отношений возникают кооперативы. Это может происходить только на базе широкой демократии. В ряде районов, используя опыт туреков, создаются советы директоров, руководителей кооперативов. Эти советы определяют всю политику, все взаимосвязи, чтобы раскрыть потенциал того или иного района. А аппарат Агропрома в этом случае занимает свое законченное место — он обслуживает совет, помогает решать вопросы.

Ныне перед районным звеном возникают вопросы, как помочь хозяйствам реализовать продукцию, как ее переработать, как лучше общими усилиями повысить капитальный строительство, какие вопросы в первую очередь должны быть решены. Это обстоятельство диктовалось определенным историческим периодом. А у нас такое положение стало нормой. Это деформировало всю аграрную политику, а значит, и практику, серьезно сказалось на состоянии и результатах функционирования сельского хозяйства. С таким положением мы не можем согласиться и мириться. Значит, встает вопрос о гармонизации, об эквивалентности. Ведь народнохозяйственный комплекс, его отрасли должны развиваться динамично, во взаимосвязи. И нужно находить механизмы, которые поддерживали бы эту гармонию, эквивалентные отношения.

Посмотрите, сколько всяких перекосов в самом аграрном секторе. Это требует осмысления. Мы в центре этих проблем поставили несколько вопросов: вопрос кардинальных экономических отношений, социального обустройства деревни и, конечно, вопрос о земле. Я это говорю к тому, что нынешний разговор — это часть той большой подготовительной работы, которая ведется к Пленуму.

Нам надо прийти на Пленум основательно оснащенными для того, чтобы оценить пройденный путь, наши достижения, извлечь уроки из допущенных промахов. Надо видеть реальную картину положения дел в наименее развитом аграрном секторе для того, чтобы предложить современную аграрную политику, которая бы, опираясь на достижения, откачиваясь от ошибок, исправляла деформации, допущенные по отношению к этой важной сфере нашей экономики. Она не хотят утруждать себя заботами о более быстром решении проблемы продовольствия в селе, потому что в отчелах интересов нашего общества.

Мы должны прийти на Пленум с продуманной концепцией. Это политика. Мы не стоим заставить решить на этом Пленуме все конкретные вопросы. Но мы должны создать такие политические предпосылки, выработать такие ориентиры, которые бы учили все и открыли нам путь для уверенного развития аграрно-промышленного комплекса, быстрейшего решения продовольственной проблемы. В рамках таких встреч, как сегодня (а их уже было несколько), обсуждаются положения дел на различных участках аграрного сектора, делается анализ, оценивается опыт, накопленный после майского (1982 г.) Пленума ЦК. В том числе в развитии различных форм подряда, арендных отношений, социального переустройства деревни, экономических взаимосвязей с другими отраслями и многим, многое другое.

Задача нашей сегодняшней встречи — неформальный, откровенный, открытый обмен мнениями и предложениями по проблемам, которые накопились. Вы можете сказать лишь несколько слов, но важно высказать свою точку зрения. Надо говорить объективно, честно. Тема нашего разговора связана с управлением сельскохозяйственным производством, каким оно должно быть на уровне колхоза и совхоза, в самом первичном звене. Мы ее защищаем не просто ради каких-то привилегий, а по существу, в силу того, что мы убеждены в правоте такого подхода.

С докладом на совещании выступил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госагропрома СССР В. С. Мурковский. Он сообщил, что в соответствии с решениями XIX Всесоюзной партийной конференции о расширении прав союзных республик подготовлены предложения о совершенствовании системы управления агропромышленным производством в стране. Эти предложения направлены на то, чтобы создать реальные условия для большей самостоятельности регионов в решении вопросов продовольственного обеспечения, устранить чрезмерную централизацию в этом деле, предоставить широкие права основному производственному звену — колхозам, совхозам и перерабатывающим предприятиям на принципах социального концептуального расчета, развития самостоятельности и демократических начал в управлении общественным производством.

В сельскохозяйственном производстве могут развиваться и новые типы кооперативов, и семейные трудовые крестьянские хозяйства, очевидно, не сумеют работать самостоятельно, они будут по логике развития прымкать к колхозам и совхозам или обь-

разности управления. Наша точка зрения о их роли и значении известна. Мы ее защищаем не просто ради каких-то привилегий, а по существу, в силу того, что мы убеждены в правоте такого подхода.

Нам предстоит рассмотреть, каким должно быть управление и взаимодействие первичных звеньев на уровне сель-

Выходит 300 раз в году

ПЯТНИЦА ДЕНЬ за днем

№ 14 (21880)

Вторник,

17 января 1989 года

Цена 3 коп.

Чаще  
тогда  
объединя-  
ется  
организаци-  
онного хо-  
дом и самос-  
изданных  
ход увел-  
4,4 про-  
годы  
среди  
на

единяться в кооперативные  
сокозы, чтобы лучше вести сер-  
вис, решать проблемы сбыта,  
снабжения население

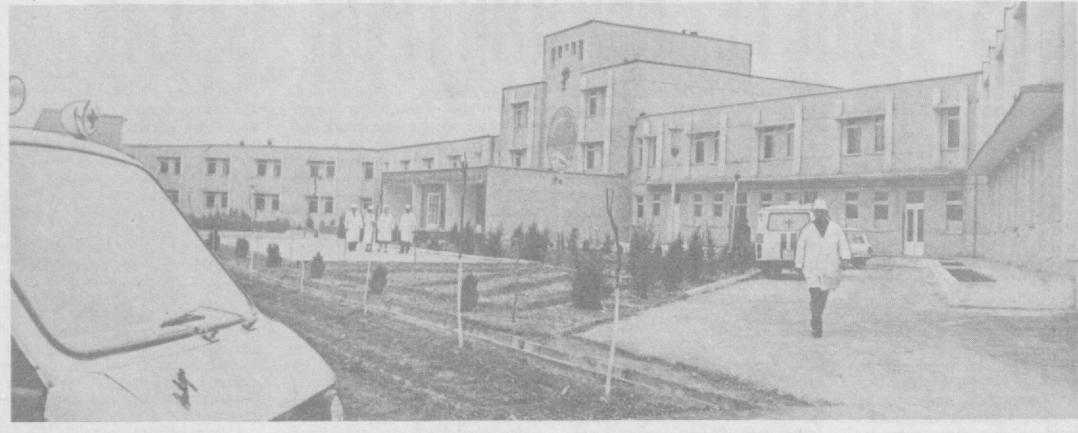
единства

единства</p





## На страже здоровья



**АНДИЖАНСКАЯ ОБЛАСТЬ.** Новая детская больница на 300 коек открыта в одном из густонаселенных микрорайонов Андиджана. Это крупнейшее в области детское медицинское учреждение, оснащенное современным лечебным и диагностическим оборудованием, игровые комнаты, набинеты леченной физкультуры. Созданы все условия для эффективного лечения маленьких пациентов.

**НА СНИМКАХ:** новая детская больница; заведующий реанимационным отделением Шавкат Кадыров и медсестра Джаннатхон Алимова оказывают первую помощь маленькому пациенту; в игровой комнате неврологического отделения.

Фото Р. АШУРОВА (УзТАГ).



## «ЭВРИКА»... ХОРОМ

### О НРАВСТВЕННЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗДЕРЖКАХ СОАВТОРСТВА

Наше общество резонно обеспокоено тем, что в последние годы по ряду направлений советская наука стала терять темп, отставать от мирового уровня. Не случайно на XIX партконференции пришло поставить вопрос о создании качественно нового научного потенциала. Почему так случилось? Думается, значительный урон нашей науке нанесена недооценкой роли человека, личности ученого, его таланта. Следствием этого стало нарушение нравственных норм.

Меня всегда занимал вопрос: почему, за редким исключением, нет соавторов у поэтов, писателей, художников, представителей ряда других творческих профессий? Когда я спросил об этом знакомого академика, он ответил без тени сомнения:

— В искусстве, литературе нужен талант, призвание, природные данные. Словом, индивидуальные способности человека. Конечно, без таланта не скажешь нового слова и в науке. Но почему-то считается, что труд ученого в большей мере коллективен...

Научное «производство» обладает той особенностью, что и количество исследований, и их оснащенность оборудованием, и организация работ часто играют роль второстепенную. На первом же месте стоит качественные показатели кадров — их способности, знания, компетентность, практические науки. Первоklassная оснащенность лишила ученых действия интеллекта — основного орудия научного труда.

Научные идеи — гипотезы и концепции, теории и принципы материализуются в докладах, статьях, монографиях, изобретениях, опытных образцах. Непременным свойством такой продукции должны быть новизна, оригинальность. Однако главным продуктом науки является открытие.

К сожалению, в роли оценочных показателей труда ученого у нас часто выступают не качество, а количество публикаций. Хотя все понимают, что публикации публикации розы. Одно дело — крупная монография или отчет, содержащие новые результаты, плод многолетних исследований и раздумий автора. Можно ли сравнивать с ними расширенные тезисы с двойной соавторством, не имеющие никакой ни научной, ни практической значимости? Но по действующим критериям оценки их в ее общем багаже ученого ничем не отличаются.

Чтобы оправдать все виды соавторства, в том числе и насилиственное, всячески насиждались мнение, что в современной науке все решают не одночлены, а коллектизы. Тезис о том, что многие стоячие проблемы требуют усилий разных специалистов, был очень удобен для тех, кто сам не тянет. А поскольку таких немало, то «коллективность» в худшем ее понимании была возведена в куль. Административы от науки, занимая должности директоров институтов или лабораторий — количеством публикаций не поддается разумному объяснению: десятки работ в год! Ведь даже просто переписать столь-ко страниц человеку физически не по силам! Какие уж там идеи! Бедный Альберт Эйнштейн с его неполными

тремя десятками публикаций. Или лауреат Ленинской премии В. Новиков с его десятком работ. Разве могут они тягаться с авторами четырех-пяти сотен научных трудов?! Для этой категории ученых эпоха застоя была периодом процветания, бурного роста их престижа.

Через их плотный строй на страницы журналов почти невозможно было пробиться молодому ученому, какому-нибудь младшему научному сотруднику. Правда, если идея заслуживала внимания, его благосклонно брали в команию. Но случалось и такое, что в последний момент семейства открывателя... исчезала из состава авторов. И все считалось нормальным. Чтобы перекрыть путь «посторонним», работала целая система — обязательные предварительные обсуждения, рецензирование, акты экспертизы, сопроводительные письма. Без них ни одна статья, даже тезисы выступления на какой-либо конференции или научном семинаре не могли пройти многочисленные барьеры.

Чтобы оправдать все виды соавторства, в том числе и насилиственное, всячески насиждались мнение, что в современной науке все решают не одночлены, а коллектизы. Тезис о том, что многие стоячие проблемы требуют усилий разных специалистов, был очень удобен для тех, кто сам не тянет. А поскольку таких немало, то «коллективность» в худшем ее понимании была возведена в куль. Административы от науки, занимая должности директоров институтов или лабораторий — количеством публикаций не поддается разумному объяснению: десятки работ в год! Ведь даже просто переписать столь-ко страниц человеку физически не по силам! Какие уж там идеи! Бедный Альберт Эйнштейн с его неполными

многих ученых она породила стойкое убеждение, что лучше приписать вышеупомянутому начальнику в соавторы, поддержать то, что от тебя хотят, написать за кого-то статью, чем прослыть строптивым. Нормально работать просто не дадут! Вот так и получилось, что из духовной жизни науки последовательно вытравливались такие качества, как отважность, искренность, правдивость. Истерилась дорога карьера. Стало цинично умение подстраиваться, поддакнуть, угодить.

В своей работе «Еще одно уничтожение социализма», опубликованной еще в 1914 году, Владимир Ильин пишет: «В старой, дореволюционной России господствовало деление ученых на два крупных лагеря: поддакивающих к министерству и независимых, причем под первыми разумелись прямо продажные писаки и составители сочинений на заказ».

Горько, но и сегодня вес учёного нередко определяется не его научным вкладом, а должностью, званием. Произошло сращивание ученых с бюрократическим креслом, что стало сказываться на выборе направлений и тематики исследований. Нередко предпочтение отдается не самым перспективным и актуальным работам, а утоляющим личный меркантильный интерес, поддающим надежды на новые чины.

Роль личности в науке исключительно велика. Бесспорно и то, что для материализации ее идей, для достижения конечного результата требуются огромные как интеллектуальные, так и материальные ресурсы, коллегиальные формы организации труда. Здесь нет противоречий. Просто авторство, авторское право должно сохраняться за истинным автором идеи. Вне зависимости от того, в каком он чине.

Из-за этого идет настояющая «погоня» за количеством печатных работ. У некоторых власть имущих ученых — директоров НИИ, заведующих отделами или лабораториями — количеством публикаций не поддается разумному объяснению: десятки работ в год! Ведь даже просто переписать столько страниц человеку физически не по силам! Какие уж там идеи! Бедный Альберт Эйнштейн с его неполными

тремя десятками публикаций. Или лауреат Ленинской премии В. Новиков с его десятком работ. Разве могут они тягаться с авторами четырех-пяти сотен научных трудов?! Для этой категории ученых эпоха застоя была периодом процветания, бурного роста их престижа.

Через их плотный строй на страницы журналов почти невозможно было пробиться молодому ученому, какому-нибудь младшему научному сотруднику. Правда, если идея заслуживала внимания, его благосклонно брали в команию. Но случалось и такое, что в последний момент семейства открывателя... исчезала из состава авторов. И все считалось нормальным. Чтобы перекрыть путь «посторонним», работала целая система — обязательные предварительные обсуждения, рецензирование, акты экспертизы, сопроводительные письма. Без них ни одна статья, даже тезисы выступления на какой-либо конференции или научном семинаре не могли пройти многочисленные барьеры.

Чтобы оправдать все виды соавторства, в том числе и насилиственное, всячески насиждались мнение, что в современной науке все решают не одночлены, а коллектизы. Тезис о том, что многие стоячие проблемы требуют усилий разных специалистов, был очень удобен для тех, кто сам не тянет. А поскольку таких немало, то «коллективность» в худшем ее понимании была возведена в куль. Административы от науки, занимая должности директоров институтов или лабораторий — количеством публикаций не поддается разумному объяснению: десятки работ в год! Ведь даже просто переписать столь-ко страниц человеку физически не по силам! Какие уж там идеи! Бедный Альберт Эйнштейн с его неполными

многих ученых она породила стойкое убеждение, что лучше приписать вышеупомянутому начальнику в соавторы, поддержать то, что от тебя хотят, написать за кого-то статью, чем прослыть строптивым. Нормально работать просто не дадут! Вот так и получилось, что из духовной жизни науки последовательно вытравливались такие качества, как отважность, искренность, правдивость. Истерилась дорога карьера. Стало цинично умение подстраиваться, поддакнуть, угодить.

В своей работе «Еще одно уничтожение социализма», опубликованной еще в 1914 году, Владимир Ильин пишет: «В старой, дореволюционной России господствовало деление ученых на два крупных лагеря: поддакивающих к министерству и независимых, причем под первыми разумелись прямо продажные писаки и составители сочинений на заказ».

Горько, но и сегодня вес учёного нередко определяется не его научным вкладом, а должностью, званием. Произошло сращивание ученых с бюрократическим креслом, что стало сказываться на выборе направлений и тематики исследований. Нередко предпочтение отдается не самым перспективным и актуальным работам, а утоляющим личный меркантильный интерес, поддающим надежды на новые чины.

Роль личности в науке исключительно велика. Бесспорно и то, что для материализации ее идей, для достижения конечного результата требуются огромные как интеллектуальные, так и материальные ресурсы, коллегиальные формы организации труда. Здесь нет противоречий. Просто авторство, авторское право должно сохраняться за истинным автором идеи. Вне зависимости от того, в каком он чине.

Из-за этого идет настояющая «погоня» за количеством печатных работ. У некоторых власть имущих ученых — директоров НИИ, заведующих отделами или лабораториями — количеством публикаций не поддается разумному объяснению: десятки работ в год! Ведь даже просто переписать столько страниц человеку физически не по силам! Какие уж там идеи! Бедный Альберт Эйнштейн с его неполными

тремя десятками публикаций. Или лауреат Ленинской премии В. Новиков с его десятком работ. Разве могут они тягаться с авторами четырех-пяти сотен научных трудов?! Для этой категории ученых эпоха застоя была периодом процветания, бурного роста их престижа.

Через их плотный строй на страницы журналов почти невозможно было пробиться молодому ученому, какому-нибудь младшему научному сотруднику. Правда, если идея заслуживала внимания, его благосклонно брали в команию. Но случалось и такое, что в последний момент семейства открывателя... исчезала из состава авторов. И все считалось нормальным. Чтобы перекрыть путь «посторонним», работала целая система — обязательные предварительные обсуждения, рецензирование, акты экспертизы, сопроводительные письма. Без них ни одна статья, даже тезисы выступления на какой-либо конференции или научном семинаре не могли пройти многочисленные барьеры.

Чтобы оправдать все виды соавторства, в том числе и насилиственное, всячески насиждались мнение, что в современной науке все решают не одночлены, а коллектизы. Тезис о том, что многие стоячие проблемы требуют усилий разных специалистов, был очень удобен для тех, кто сам не тянет. А поскольку таких немало, то «коллективность» в худшем ее понимании была возведена в куль. Административы от науки, занимая должности директоров институтов или лабораторий — количеством публикаций не поддается разумному объяснению: десятки работ в год! Ведь даже просто переписать столь-ко страниц человеку физически не по силам! Какие уж там идеи! Бедный Альберт Эйнштейн с его неполными

тремя десятками публикаций. Или лауреат Ленинской премии В. Новиков с его десятком работ. Разве могут они тягаться с авторами четырех-пяти сотен научных трудов?! Для этой категории ученых эпоха застоя была периодом процветания, бурного роста их престижа.

Через их плотный строй на страницы журналов почти невозможно было пробиться молодому ученому, какому-нибудь младшему научному сотруднику. Правда, если идея заслуживала внимания, его благосклонно брали в команию. Но случалось и такое, что в последний момент семейства открывателя... исчезала из состава авторов. И все считалось нормальным. Чтобы перекрыть путь «посторонним», работала целая система — обязательные предварительные обсуждения, рецензирование, акты экспертизы, сопроводительные письма. Без них ни одна статья, даже тезисы выступления на какой-либо конференции или научном семинаре не могли пройти многочисленные барьеры.

Чтобы оправдать все виды соавторства, в том числе и насилиственное, всячески насиждались мнение, что в современной науке все решают не одночлены, а коллектизы. Тезис о том, что многие стоячие проблемы требуют усилий разных специалистов, был очень удобен для тех, кто сам не тянет. А поскольку таких немало, то «коллективность» в худшем ее понимании была возведена в куль. Административы от науки, занимая должности директоров институтов или лабораторий — количеством публикаций не поддается разумному объяснению: десятки работ в год! Ведь даже просто переписать столь-ко страниц человеку физически не по силам! Какие уж там идеи! Бедный Альберт Эйнштейн с его неполными

тремя десятками публикаций. Или лауреат Ленинской премии В. Новиков с его десятком работ. Разве могут они тягаться с авторами четырех-пяти сотен научных трудов?! Для этой категории ученых эпоха застоя была периодом процветания, бурного роста их престижа.

Через их плотный строй на страницы журналов почти невозможно было пробиться молодому ученому, какому-нибудь младшему научному сотруднику. Правда, если идея заслуживала внимания, его благосклонно брали в команию. Но случалось и такое, что в последний момент семейства открывателя... исчезала из состава авторов. И все считалось нормальным. Чтобы перекрыть путь «посторонним», работала целая система — обязательные предварительные обсуждения, рецензирование, акты экспертизы, сопроводительные письма. Без них ни одна статья, даже тезисы выступления на какой-либо конференции или научном семинаре не могли пройти многочисленные барьеры.

Чтобы оправдать все виды соавторства, в том числе и насилиственное, всячески насиждались мнение, что в современной науке все решают не одночлены, а коллектизы. Тезис о том, что многие стоячие проблемы требуют усилий разных специалистов, был очень удобен для тех, кто сам не тянет. А поскольку таких немало, то «коллективность» в худшем ее понимании была возведена в куль. Административы от науки, занимая должности директоров институтов или лабораторий — количеством публикаций не поддается разумному объяснению: десятки работ в год! Ведь даже просто переписать столь-ко страниц человеку физически не по силам! Какие уж там идеи! Бедный Альберт Эйнштейн с его неполными

тремя десятками публикаций. Или лауреат Ленинской премии В. Новиков с его десятком работ. Разве могут они тягаться с авторами четырех-пяти сотен научных трудов?! Для этой категории ученых эпоха застоя была периодом процветания, бурного роста их престижа.

Через их плотный строй на страницы журналов почти невозможно было пробиться молодому ученому, какому-нибудь младшему научному сотруднику. Правда, если идея заслуживала внимания, его благосклонно брали в команию. Но случалось и такое, что в последний момент семейства открывателя... исчезала из состава авторов. И все считалось нормальным. Чтобы перекрыть путь «посторонним», работала целая система — обязательные предварительные обсуждения, рецензирование, акты экспертизы, сопроводительные письма. Без них ни одна статья, даже тезисы выступления на какой-либо конференции или научном семинаре не могли пройти многочисленные барьеры.

Чтобы оправдать все виды соавторства, в том числе и насилиственное, всячески насиждались мнение, что в современной науке все решают не одночлены, а коллектизы. Тезис о том, что многие стоячие проблемы требуют усилий разных специалистов, был очень удобен для тех, кто сам не тянет. А поскольку таких немало, то «коллективность» в худшем ее понимании была возведена в куль. Административы от науки, занимая должности директоров институтов или лабораторий — количеством публикаций не поддается разумному объяснению: десятки работ в год! Ведь даже просто переписать столь-ко страниц человеку физически не по силам! Какие уж там идеи! Бедный Альберт Эйнштейн с его неполными

тремя десятками публикаций. Или лауреат Ленинской премии В. Новиков с его десятком работ. Разве могут они тягаться с авторами четырех-пяти сотен научных трудов?! Для этой категории ученых эпоха застоя была периодом процветания, бурного роста их престижа.

Через их плотный строй на страницы журналов почти невозможно было пробиться молодому ученому, какому-нибудь младшему научному сотруднику. Правда, если идея заслуживала внимания, его благосклонно брали в команию. Но случалось и такое, что в последний момент семейства открывателя... исчезала из состава авторов. И все считалось нормальным. Чтобы перекрыть путь «посторонним», работала целая система — обязательные предварительные обсуждения, рецензирование, акты экспертизы, сопроводительные письма. Без них ни одна статья, даже тезисы выступления на какой-либо конференции или научном семинаре не могли пройти многочисленные барьеры.

Чтобы оправдать все виды соавторства, в том числе и насилиственное, всячески насиждались мнение, что в современной науке все решают не одночлены, а коллектизы. Тезис о том, что многие стоячие проблемы требуют усилий разных специалистов, был очень удобен для тех, кто сам не тянет. А поскольку таких немало, то «коллективность» в худшем ее понимании была возведена в куль. Административы от науки, занимая должности директоров институтов